

Таймасов Леонид Александрович

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ШКОЛЫ БРАТСТВА СВЯТИТЕЛЯ ГУРИЯ КАК ПЛОЩАДКИ АПРОБАЦИИ МИССИОНЕРСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО

Аннотация: в статье рассмотрена роль Братства святителя Гурия в организации миссионерских школ Казанского учебного округа. Приведены главные идеи Н.И. Ильминского о методах школьного обучения детей новокрещенных народов. Дана оценка деятельности братских школ как первых площадок апробации положений системы Ильминского, опыт которых способствовал принятию правительством решения об утверждении правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев».

Ключевые слова: начальная школа, Братство святителя Гурия, система Н.И. Ильминского, новокрещенные народы, христианизация.

В 1860-х гг., когда отступническое движение новокрещенных народов Среднего Поволжья начало приобретать вид эпидемии, правительство и церковь стали активно поддерживать наступательные меры в религиозной политике. Выразителем новых идей был Н.И. Ильминский, имевший широкие познания в вопросах религии, языков и традиционных культур народов Поволжья. По его мнению, только через просвещение можно разрушить их традиционное мировоззрение. Среди различных мер миссионерского воздействия Ильминский основной упор делал на новую школу, так как старая «плохо зарекомендовала себя в глазах народа». Решение сложных миссионерско-просветительских задач он считал возможным только на основе родного языка.

Ильминский, критикуя старую школу, отмечал, что в ней заботились об утверждении крещеных в христианской вере внешними, принудительными

мерами, обучение осуществлялось на русском языке и, как правило, ограничивалось заучиванием катехизиса, учащиеся «не получали должного нравственного развития» [5, с. 51]. Несовершенство приходских училищ отмечали И.Я. Яковлев, А.В. Рекеев и др., указывавшие их бесполезность: «некоторые из них (учеников. – *Л.Т.*) могли лишь каракулями написать свое имя и отчество, а о христианстве имели весьма скудные понятия» [10, с. 394].

Новокрещенные считали приходское училище государственным институтом разрушения их традиционного уклада жизни. Крестьяне не видели пользы школьного обучения, полагая, что школа отучит их детей от крестьянского труда, изменит их мировоззрение, поэтому всячески противились ее открытию в своих селениях, не отдавали детей на обучение [6, с. 17; 11, ф. 796, оп. 442, д. 27, л. 14 об.; 2, ф. 32, оп. 1, д. 2271, л. 141–142]. Изменить негативное отношение прихожан к школе могла лишь коренная перестройка системы начального обучения.

Н.И. Ильминский утверждал, что необходимо сделать начальную школу по структуре и духу народной. По его мнению, в детстве лучше запоминается и закрепляется в сознании информация, тем более если она получена на родном языке. Он делал акцент на религиозно-миссионерский характер обучения – развитие религиозного чувства, христианского духа учащихся [3, с. 325]. Школа должна стать миссионерским институтом, влияющим на семью и сельское общество. В Синодальном отчете за 1870 г. отмечалась мысль о влиянии миссионерской школы на взрослое население. Обратимся к тексту документа: «Дитя, выслушав в школе рассказ о каком-либо событии из Священной истории или объяснение церковного праздника, спешит поделиться с выслушанным в своей семье, а когда выучится читать, то берет книгу, читает ее своим домашним, усиленно объясняя ее содержание» [4, с. 67]. «Семейный характер» предполагался и во взаимоотношениях учителя с учеником и его родителями, которые должны строиться на доверии и уважении [5, с. 41]. Открытость и доступность школы располагали бы их к школе.

Опыт деятельности крещено-татарских школ убедил Н.И. Ильминского в правильности предлагаемых способов христианского просвещения. Он считал, что для

«инородческих школ лучшими учителями могут быть лица, единоплеменные ученикам... первоначальное образование народа всего успешнее может быть ведено учителями из среды самого же народа, потому что они, естественно, должны пользоваться доверием и сочувствием сродственного им общества» [5, с. 41].

С целью внедрения своих идей в практику в 1863 г. Н.И. Ильминский и В.Т. Тимофеев основали крещено-татарскую школу в Казани, на основе которой в селениях крещеных татар открывались ее отделения. Более широкий охват новокрещенного населения школьным обучением нуждался в особой организации. На религиозную ситуацию и конфессиональные процессы в условиях буржуазных реформ в России значительное воздействие оказали православные братства, получившие широкое распространение после учреждения 8 мая 1864 г. основных правил их деятельности. К началу XX в. в стране насчитывалось около 700 братств [14, с. 291]. Созданию православного братства в Казани положило начало обращение представителей разных сословий 20 апреля 1867 г. на имя казанского архиепископа Антония. Епархиальное и гражданское руководство, понимая важность учреждения миссионерско-просветительской организации в многонациональной и поликонфессиональной епархии, с воодушевлением поддержало инициативу. В решении организационных вопросов деятельное участие принимали помещик П. Арцыбашев, казанские купцы П. Щетинкин, Я. Соколов, П. Прибытков, преподаватели Казанской духовной академии Н.И. Ильминский, Е.А. Малов и др [7, с. 18]

Торжественное открытие Братства святителя Гурия в Казани состоялось 4 октября 1867 г [5, с. 51]. Его целью являлось утверждение в православной вере крещеных «инородцев» Казанской и соседних губерний. Среди основных задач братства было создание сети начальных школ в новокрещенских приходах.

В 1870 г. количество братских школ составило 108, из которых крещено-татарских – 69, чувашских – 13, марийских – 17, удмуртских – 5, раскольнических – 4 [9, с. 5]. Большое число крещено-татарских школ объясняется тем, что значительная часть функционировавших ранее под эгидой Казанской крещено-татарской школы была переведена в ведение Братства св. Гурия. Следует

заметить, что все братские школы руководствовались правилами, разработанными Н.И. Ильминским.

Учебно-воспитательный процесс открываемых Братством начальных школ опирался на опыт работы первых крещено-татарских школ. Н.И. Ильминский полагал, что период обучения в таких школах для представителей нерусских народов должен составить четыре года. «Многолетний опыт инородческих училищ в Казанской губернии вообще и, в частности, существующих при Казанской учительской семинарии убедил нас, что трёх зим недостаточно инородческим детям при прохождении программ сельских училищ: усвоение русского разговорного языка составляет огромный, лишний труд, для которого нужно дать особое время» [9, с. 5]. По его мнению, в младшем отделении следует использовать родной язык учащихся, в старшем – русский, что окажет воздействие на их религиозное воспитание и усвоение ими русской разговорной речи [9, с. 5]. Однако это предложение Н.И. Ильминского было реализовано лишь частично. Профессор Казанской духовной академии М.А. Машанов писал: «Во всех братских школах характер обучения был строго религиозный и обучение инородческих детей начиналось всегда на их родном языке. Отступления от этого, зависевшие от неправильной постановки учебного дела учителем, были крайне редки и пресекались, лишь только бывали замечены» [7, с. 63]. Реальная ситуация не всегда соответствовала заявлениям миссионеров, так как возникали проблемы финансового, кадрового порядка.

Братство св. Гурия взяло на себя обязательство по учреждению и содержанию начальных школ в «инородческих приходах» не только Казанской, но и Вятской, Уфимской, Самарской епархий. Вслед за крещено-татарскими братство начало открывать чувашские, марийские школы. Так, одной из первых чувашских школ стала Большеяльчикская в Тетюшском уезде Казанской губернии, учрежденная в 1867 г. стараниями священника Ефима Петрова при поддержке инспектора чувашских школ Н.И. Золотницкого. Большую роль в становлении чувашских школ братства сыграл Митрофан Дмитриев, который помогал Н.И. Золотницкому в подготовке учебных пособий, проведении

педагогических курсов, инспектировании школ [1, с. 5–6]. В том же году в Козьмодемьянском уезде открылись марийские школы, осмотрев которые Золотницкий нашел их удовлетворительными и особо подчеркнул «беззаветную преданность делу и то одушевление, которые замечались в большинстве как учащихся, так и учащихся» [7, с. 7–8].

Однако формирование школьного дела испытывало большие трудности – это нехватка финансовых и материальных ресурсов, отсутствие зданий, учебников и методических пособий, педагогических кадров, способных организовать обучение на родном языке учащихся. Первые опыты вселяли надежду на положительное развитие школьного дела. Казанский архиепископ Антоний в 1869 г., посетив ряд братских учебных заведений, убедился в целесообразности применения родного языка в школьном обучении. В архиерейском отчете писал, что миссионерские школы благотворно действуют не только на детей, но и на целые населенные пункты иногородцев: в приходах, «где есть школы, иногородцы не так холодны к делу веры, как те, слуха которых не касается христианское назидание на их природном языке» [4, с. 67]. Мнение архипастыря оказало существенное воздействие на расширение сети братских школ. По предложению Антония на поддержку братских школ Синод выделил 4 030 руб. [11, ф. 799, оп. 4, д. 374, л. 7–7 об.]

Следует заметить, что развитие сети братских школ имело достаточно хорошие темпы. Епархиальное начальство было удовлетворено и организацией учебного процесса в них. Архиепископ Антоний, посетив ряд чувашских и марийских школ, особо отметил Унженское, Апазовское, Акрамовское, Ивановское, Пихтулинское, Карамышевское и Беловолжское училища. Проверив знание учащимися молитв, Священной истории, заповедей, преосвященный заметил: «Ответы учащихся вообще были довольно удовлетворительны». Его впечатлило также церковное пение учащихся [11, ф. 796, оп. 442, д. 680, л. 14].

Представители администрации и церковного ведомства стремились открывать миссионерские школы прежде всего в районах, где «отступничество» обрело широкий размах. Большинство школ в Казанском учебном округе учреждалось среди татар, чувашей, марийцев, составлявших основную группу

новокрещенных народов, подверженных воздействию ислама. Большое внимание уделялось районам с мусульманским населением. Мордва считалась достаточно «обрусевшей», к тому же значительная ее часть проживала по соседству или совместно с русскими, поэтому количество мордовских школ было намного меньше. Ученик и соратник Н.И. Ильминского М.Е. Евсевьев выступал против такого положения дел, полагая, что для обучения мордвы следует также применить систему Ильминского [8, с. 617].

В ведении Братства св. Гурия находились также школы, открываемые при нерусских монастырях. Антонием отмечалось, что в трех женских монастырях есть училища, в которых обучаются и совершеннолетние «девицы». В школе марийского Михаило-Архангельского мужского монастыря в 1875 г. обучающихся было 40 человек [11, ф. 796, оп. 442, д. 680, л. 10]. Например, в отчете братства за 1887/88 г. содержится сведение об открытии при Богородице-Сергиевском женском монастыре марийской школы, в которой обучались 9 марийских девушек и 3 русские. В полиэтническом регионе проблема обучения в классах со смешанным национальным составом была весьма острой. В контактных зонах учреждались «русско-инородческие» школы с преподаванием на русском и родном языках. В селениях, испытывающих сильное мусульманское воздействие, помимо общепринятых предметов проводились беседы о превосходстве православия над исламом, а это требовало особых учителей, хорошо знающих догматы мировых религий. В Казанской инородческой учительской семинарии осуществлялась специальная подготовка учителей со знанием нескольких «инородческих» языков и основ религиоведения, этнологии и т. д. Еще в 1860-х гг. для учреждения миссионерских школ в этноконтактных зонах и управления ими начали вводить должности инспекторов «инородческих школ». В миссионерских школах разрешали обучаться и язычникам, но с определенным условием: для получения документа об образовании они обязаны были принять крещение.

Было бы некорректно писать о братских школах только в позитивном ключе. В источниках достаточно примеров, содержащих критическую оценку. Не удалось в полной мере реализовать идеи Н.И. Ильминского. Братские школы

испытывали материальные и финансовые проблемы. В большинстве из них не было реализовано четырехлетнее обучение, а за два года удавалось научить немногому – чтению молитв и основам церковного пения.

Большой проблемой являлась нехватка учителей. На первом этапе деятельности братства отсутствовали специалисты, так как нигде, за исключением Казанской крещено-татарской школы, их не готовили. С открытием Казанской учительской семинарии, Симбирской чувашской школы и двухклассных училищ подготовка учителей улучшилась, но востребованность в квалифицированных кадрах осталась. В 1871 г. инспектор народных училищ Казанской губернии, посетив ряд братских школ, вынужден был отметить недостатки: в частности, из осмотренных школ только в двух он нашел учителей более или менее развитых и с надлежащими знаниями [13, ф. 501, оп. 12, д. 213, л. 5–6]. Во всех учебных заведениях основным предметом являлся Закон Божий. Его преподавание требовало широких познаний в области истории и теории христианства. Проверка братских школ показывала слабое знание учащимися основ христианского учения. Инспектор писал, что «знания учеников по Закону Божьему во втором классе оказались посредственными, а в частности даже неудовлетворительными» [13, ф. 501, оп. 12, д. 213, л. 6–7]. Подобные свидетельства встречаются и в других документах. Когда выросло количество земских школ, многие учителя братских школ стремились перейти в учебные заведения, где были лучше условия работы и выше заработок и т. д.

Опыт первых лет внедрения в школах системы Ильминского был признан в целом успешным, что сделало возможным распространение его в масштабах страны. Утверждение правил «О мерах к образованию населяющих Россию иностранцев» в 1870 г. стало правовой основой организации начальных школ по просветительской системе Ильминского. В качестве главной меры была названа школа. Другие действия, такие как печатание и распространение христианских книг, скорее, служили дополнением к первому. В тот период к братству относились 69 крещено-татарских, 13 чувашских, 17 марийских и 4 русские противораскольнические школы [5, с. 62]. По данным 1875 г., в Казанской губернии насчитывалось 394

начальных училища, в которых обучалось 13 811 учащихся (11 759 муж., 2 052 жен.), а в 347 сельских училищах – 10 723 (9 657 муж., 1 066 жен.) (Подсчитано нами на основе данных Отчета о состоянии начальных народных училищ Казанской губернии за 1874 г.) Учителями в них являлись выходцы из среды нерусских народов, а также русские, владеющие языками своих учеников.

Опыт деятельности братских школ стал внедряться во всех учебных заведениях начального образования различных ведомств: министерских, земских, церковных, частных. Братство св. Гурия сыграло важную роль в реализации государственной религиозной политики в Волго-Уральском регионе, а братские школы на начальном этапе стали основной площадкой апробации миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского.

Список литературы

1. Александров Г.А. Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы / Г.А. Александров. – Чебоксары, 2002. – 216 с.
2. Государственный архив Самарской области (ГАСО).
3. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 408 с.
4. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. – СПб., 1871. – 102 с.
5. Износков И.А. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии / И.А. Износков. – Казань, 1909. – 121 с.
6. Макаров М.П. Илья Николаевич Ульянов и просвещение чуваш / М.П. Макаров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1958. – 160 с.
7. Машанов М. Обзор деятельности Братства св. Гурия / М. Машанов. – Казань, 1892. – 257 с.
8. О просвещении приволжских инородцев: перепечатка номеров журнала «Сотрудник Братства свят. Гурия». – В 2 т. – Казань: типолитогр. И.С. Петрова, 1910. – 896 с.

9. Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1871 г. по 4 октября 1872 г. – Казань, 1872. – 130 с.

10. Рекеев А.В. Чуваши: применение системы Ильминского к их просвещению / А.В. Рекеев // Сотрудник Братства св. Гурия. – 1911. – №25–26.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА).

12. Русский миссионер у инородцев. – СПб., 1905. – 48 с.

13. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР).

14. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): критические очерки / Н.А. Смирнов, Е.Ф. Грекулов [и др.]. – М., 1967. – 336 с.